

КОММЕРСАНТ НА КАНАТЕ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ИЗВЕСТНОГО РУССКОГО КАНАТОХОДЦА ФЁДОРА МОЛОДЦОВА

Прежде чем приступить к описанию моих походов, я считаю не безынтересным ознакомить почтеннейшую публику с маленькой моей биографией.

И так — к делу. Я родился, как и все рождаются, от честных родителей. Отец мой был временный купец, крестьянин Ярославской губернии, занимался он торговлей — имел пять мелочных лавок, два питейных заведения и два деревянных дома на Петербургской стороне; родился же я на углу Зверининской улицы и Мытинского переулка, где и по сей час существует лавка. Семи лет отдан я был в частную школу, с платой по одному рублю в месяц, для обучения русскому языку; но так как я хотя мальчуганом и был, как говорится, сорвиголова, но всё-таки, в то же время, обладал прекрасной памятью, за что меня старушка-учительница полюбила и стала меня учить за ту же цену французскому и немецкому языкам. Родной матери я лишился, когда мне было четыре года, и мой отец женился на второй. Мачеха моя была женщина безграмотная и, найдя совершенно лишним, по её понятию, бросать деньги на ветер, настояла на своём, чтобы отец взял меня из школы. Как ни настаивала учительница, прося отца, чтобы он не забирал меня из школы, но на все её доводы отец стоял на своём, говоря: «Он у меня будет торговец, а для торговца в мелочной лавке больше не требуется, как читать и писать, а вместо арифметики есть на то счёты». И вот на девятом году подвязали мне фартук и поставили в кабак за выручку в качестве приказчика. В прежнее время кабаки были совсем не такие, как теперь, и допускались к торговле в них даже малолетние. При таком образцовом воспитании не мудрено, что я с малых лет приучился пить водку. Года через два перевёл отец меня в мелочную лавку учиться другой премудрости. Приказчиком в той лавке был родственник моего отца. Жизнь моё было очень незавидное. Зима в то время стояла суровая, а я одет был

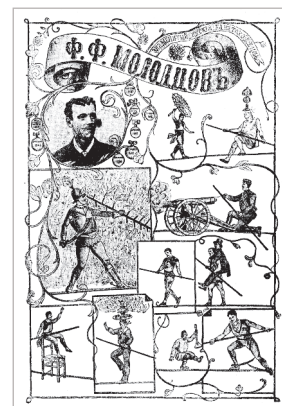
прескверно: ходил в рваных сапогах, в таком же рваном пальто, спал на мешках с мукой или на печке в пекарне, матрац и подушку заменяли мне тоже мешки из-под муки. А сколько потасовок приходилось переносить от приказчика и хлебпека — одному только Богу известно. Бывало, пожалуешься отцу, но вместо защиты получишь ещё прибавку; так как отец пил, то мачеха и завладела всем.

Так жизнь моя шла до 1871 года; в этом году в одной из лавок запьянствовал приказчик, и отец вместо его меня туда поставил. Тут жизнь моя изменилась, я вздохнул свободнее. Но недолго пришлось мне блаженствовать: через какие-нибудь четыре месяца, в один прекрасный день, приехали несколько ломовых извозчиков, во главе того же родственника, и увезли весь товар,

а лавку закрыли. Я же остался ни при чём. С полгода помыкался изрядно: бывало, придёшь домой, то есть к отцу, а тебя и ночевать не пускают. Заберёшься в сарай, да там и проспишь до утра — и это часто бывало при морозе в десять градусов и более. В заведениях отца познакомился я с наборщиками, которые и определили меня, в качестве ученика, в типографию. Этим я заканчиваю свою биографию, переходя к более интересному.

КАК Я СДЕЛАЛСЯ КАНАТОХОДЦЕМ

В Зоологическом саду летом ходил по канату полотёр-самоучка Егор Васильев, которого я часто по вечерам видел, и, узнав, что он получает большое жалованье, и сравнив со своим (в типографии я получал четыре рубля в месяц, да и те за еду мачеха

Обложка книжечки
Фёдора
Молодцова.

отбирала), не долго думая, утром с одного сарая на другой, через поимую яму, перекинул жердь – и вот по этой жерди и давай в свободное время практиковаться. Дело пошло на лад. Конечно, не раз приходилось совершать полёты с моего импровизированного каната в поимую яму, но надежда сделаться канатоходцем преодолела всё.

Не помню, где-то приобрёл верёвку, заменил ею жердь и, когда почувствовал себя достаточно подготовленным, предложил содержателю Зоологического сада свои услуги. Это было осенью. Содержатель сада

проэкзаменовал меня, нашёл слабым и предложил поступить к нему в качестве ученика, на что я и согласился. Канат для репетиций был натянут в саду, на высоте не более двух аршин, на нём я учился всю зиму. Слов нет, нелегко мне это учение досталось: не раз тросточка учителя гуляла по моей спине и по чему попало, но я на это не обращал внимания. Пришла весна, управляющий садом озлился на меня за что-то, после чего я и прекратил занятия в саду, отчего впоследствии много потерял.

Предложил я свои услуги в саду Сокова, за Невской заставой, и вот в 1873

году, 17 мая, было на афише большими буквами объявлено: «Сегодня 1-й дебют русского канатоходца Фёдора Иванова» (под своей фамилией я выступать не хотел). Канат протянут был через пруд, но что это было за устройство – ведаёт Аллах! Не успел я даже до середины дойти, как канат мой раскачался, и, в конце концов, меня побросило кверху, но каким-то чудом я уцелел, схватился за канат и дополз на руках до конца каната, моментально спустился вниз. Перед тем как идти по канату, с самого утра сжимало сердце, и не один раз приходила мысль отказаться, но энергия взяла верх. Не знаю сам, как прибежал я в гардеробную, товарищ мой успел открыть её; сидим и смотрим друг на друга. В окно увидел я, что идёт к нам хозяин сада. «Ну! – говорю, – Карло, он идёт гнать нас». Но опасения мои не оправдались. Хозяин только сказал мне, что полиция без репетиций мне не дозволяет ходить по канату. На утро прорепетировал при приставе благополучно – и дело пошло на лад. Года два был в труппах у гимнастов, где и научился гимнастике.

В это время дела моего отца стали хуже, и он имел уже только одну мелочную лавку, в которой и торговал сам. Как-то раз у него ушёл хлебопек – я и переехал к нему, и за еду должен был печь хлеб.

Карл Булла.
Конные прогулки
в Летнем саду.

Летний сад
в Санкт-
Петербурге.
Открытка.

Подошла зима, а я, не имея места как артист, поступил в один частный театр в качестве реквизитора. Этому искусству я выучился у Берга. В масленицу, кроме того, танцевал у Малафеева китайский танец. До 1878 года я доставал себе кусок хлеба то артистическим, то другим ремеслом. В этом же году мне посчастливилось, и я имел свой увеселительный сад. Дела шли превосходно — за лето осталось тысяч шесть. Зимой в Петербурге, в трактире В. арендовал четыре бильярда, а в 1879 году выступал в Крестовском, Летнем и Таврическом садах со своей труппой под фамилией Жак Ричард, а также ходил в Летнем саду через пруд по канату. В этом же году сдан в солдаты служить в пограничной страже. В 1892 году был уволен со службы по болезни. В это время отец мой умер. На мою долю пришлось получить две тысячи рублей, на которые я и открыл свою мелочную лавку, но через год прогорел и начал опять ходить по канату. Вот тут-то и вспоминается известная пьеса — «На случай несостоятельности», — где пьяный купец, увидев Блондена, придя домой и взяв кочергу в руки, стал ходить по верёвке, положенной на пол... В этом же году взял в ученики мальчика, которого выучил; потом путешествовал по городам и участвовал в садах — Крестовском и Александрии.

КАК Я ПОПАЛ ЗАГРАНИЦУ

В 1887 году я получил ангажемент в Гельсингфорсе, в цирк Буш, с которым и уехал в Швецию — Стокгольм, затем Эребро и Гетебург. Наш хозяин, немец, нас страшно эксплуатировал, вследствие того, что мы не умели говорить на иностранных языках, поэтому условленного жалования даже и половины не получали.

Когда же я восстал против несправедливости, то он нас выгнал, несмотря на то, что мы каждый день по три номера работали — полёты на трапециях, воздушное попури и пирамиды на стульях; кроме этого, и в пантомимах участвовали. И вот оказался я без денег. Не было никакой возможности двигаться ни назад, ни вперёд. На наше счастье был один клоун, который говорил немного по-русски, он-то и устроил так, что капитан парохода взял нас до Копенгагена (Дания) довести. Там я и должен был заплатить за проезд (но вещи до уплаты должны были находиться на пристани). Сердце болело при мысли о том, что места там не найдём. Скрепя сердцем и махнув рукой, припоминали мы русские пословицы: «Бог не без милости» и «Риски — благородное дело», которые в этот раз оправдали себя. Денег оставалось у меня в кармане всего

В течение десяти лет русский канатоходец гастролировал по всей Европе.

кронов шесть (на наши деньги — это три рубля), половину которых взял извозчик за проезд до гостиницы. Помывшись и оправив гардероб, который, к слову сказать, был в самом плачевном состоянии, и выйдя на улицу с учеником (учеником был мой брат), конечно, у кого ни спрашивали про театр, где он находится, нас никто не понимал, и мы сами кое-как нашли театр «Националь». На наше счастье, там был ангажирован балетмейстер Гольцер, который нас и рекомендовал в этот театр. И вот по окончании ангажемента, мы с 1 апреля должны были играть в Бреславле. Но так как в тот год зима была холодная и снежная, то мы не могли к сроку попасть и поехали на пароходе, пробиваясь сквозь лёд, и чуть было не погибли, так как наш пароход получил пролом в носу. Только благодаря тому что подоспели другие два парохода, которые сцепились бортами, нас доставили благополучно в Штеттин. Из Штеттина поехали в Берлин. Очень трудно было нам

первое время: жили мы чуть ли не на чердаке, имели маленькую комнату, в которой с нами помещались ещё трое странствующих музыкантов; не один день приходилось нам голодать. На счастье, встретили знакомого артиста, который раньше в Киеве был с нами ангажирован. Тот-то нас и рекомендовал в сад «Новый Свет» (Neue Welt) на таких условиях: если на дебюте мы не понравимся, то платят нам по 100 марок и выгоняют вон. Но после первого выступления наш контракт продлили на месяц.

КАК Я СДЕЛАЛСЯ ЗНАМЕНЫТЫМ, ИЛИ НЕ БЫВАТЬ БЫ СЧАСТЬЮ — ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Второе выступление чуть не окончилось для меня печально: шёл я по канату с привязанными саблями, и на самой середине каната баланс мой разломился на три части; я не потерял присутствия духа, схватился за канат, отвязал сабли, взял их в руки и пере-

шёл до конца, то есть на платформу. Как по мановению руки, раздался гром рукоплесканий. На другой день во всех газетах были большие рецензии, что такой-то русский был на волоске от смерти, проявил удивительную силу духа, а главное – хладнокровие, и т.д. С немецких газет перепечатали и другие страны, даже и в петербургских газетах было. В то время мы получали один за другим ангажементы, и уже писали нас на афишах: «Знаменитые русские эквилибристы братья Фёдор и Константин Молодцовы».

За эти шесть лет мы проехали чуть ли не всю Европу. В одном Берлине были ангажированы восемь раз. Если писать обо всех встречах и приключениях, то понадобилось бы издать несколько томов, но я не хочу утомлять читателя мельчайшими подробностями и потому пишу, насколько возможно, очень сокращённо. Не раз мне подрезали канаты мои конкуренты. В Берлине, в саду «Berliner Bock Brauerei», канат был уже натянут, отработав с братом воздушное поупури и предчувствуя что-то недоброе, я пошёл проверить канат; раза два с силой дёрнул за укрепл., раздался треск, мачты закачались. Оказалось, что канат был подрезан и лопнул. Не сделай я этого, мы бы с братом и слугой неминуемо бы погибли, так как брат и мой лакей помогали мне на платформе (один с одной стороны, другой – с другой), и они ни коим образом не устояли бы там.

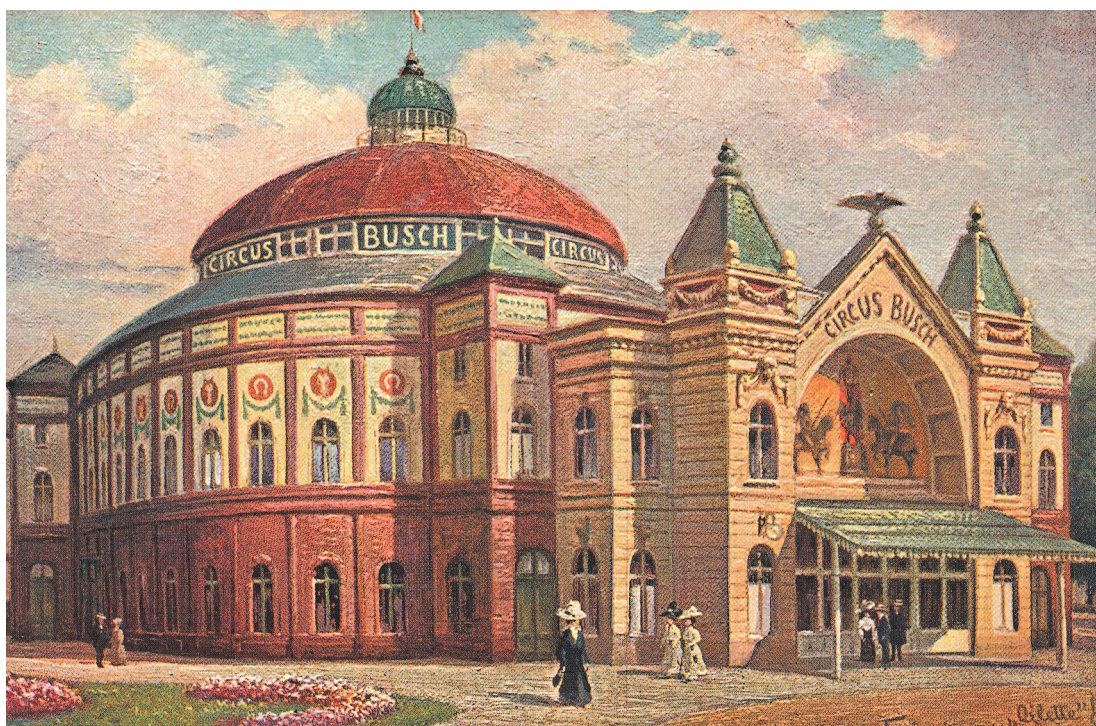
БОКС ПО ПРИНУЖДЕНИЮ В ЛОНДОНЕ

Меня всё интересовало, и я сравнивал заграничного рабочего с русским. В свободное время шатался я по разным кабакам и вертепам, и вот в Лондоне, на окраине города, я зашёл в одно такое заведение и потребовал вина около стойки. В это время подходит ко мне субъект, хлопает по спине ладонью и бормочет что-то. Конечно, я его не понимаю, так как с английским языком не был знаком. Спрашиваю его по-немецки, тогда подошёл ко мне матрос и спросил, какой я нации. Я ему солгал, сказав,

что я венгерец (так как англичане русских ненавидят). Я, в свою очередь, спросил его, что этому субъекту надо от меня. Он мне сказал, что моя морда ему нравится, поэтому он хочет со мной боксировать. Не принять вызова – это значило рисковать быть избитым всей компанией, как труса. На счастье, я ещё в России в цирках от английских артистов выучился боксировать. И так, вышли мы на середину комнаты, а зрители окружили нас. Сошлись, я отпарировал, а он нападал на меня. Как-то я прозевал, и он нанёс удар мне в щёку, но не особо сильно. Тогда я угодил ему прямо в нос – у него потекла кровь. Он остервенился, а я всё отбивался хладнокровно и, выбрав удобный момент, угодил ему под глаз. После чего его приятели прекратили наше состязание, меня же силой посадили за стол и, как храброго, начали угощать. И, Бог знает, мне пришлось распивать с какими-то жуликами или ещё того хуже.

Жилось мне за границей хорошо, жалованье получал хорошее и везде меня любили. К чести немцев скажу, хотя мы были в такое время, что немцы русских ненавидели, но к артистам они одинаковы, какой бы ты ни был нации – это безразлично. А вот в Англии мы не писались русскими. В 1892 году я возвратился в Петербург, получил ангажемент в Измайловский сад, а остальное уже публика знает из рецензий, а многие и лично.

**Составил без посторонней
помощи сам Фёдор Молодцов
28 июня 1895 года.**

Цирк Буша.
Фёдор
Молодцов
нередко
показывал
трюк
на канатах
с переноской
человека.